

мать и сестра Раскольников», эти два «общих места» [1]. Наоборот, к художественным удачам автора Ахшарумов относит образы Разумихина, Порфирия Петровича, Свидригайлова, Мармеладова. В их оценках эстетический анализ вновь совмещается с непосредственной, эмоциональной читательской реакцией, например: «То ли дело, например, Разумихин!.. Сколько жизни и какие яркие краски! Каждое слово, движение этого человека принадлежат только ему одному и выделяют это лицо из тысячи!.. Или Порфирий, следовательно?.. Порфирий неподражаем!.. Не говоря уж о том, что он выполнен в совершенстве; это в глаза бросается. Картина полна и выходит из рамки; ни одной черточки не найдешь прибавить или убавить, совершенно живой человек» [1].

Наиболее сильное художественное впечатление, с точки зрения критика, производит Катерина Ивановна, как и семья Мармеладовых (учитывая особое отношение Ахшарумова к Соне) в целом: «Семья Мармеладовых принадлежит к числу лучших вещей, когда-нибудь созданных автором, и совершенно во вкусе его. Несмотря на ужасный смысл их положения и их отношений друг к другу, общее впечатление до того горячо и чисто и дышит таким истинно человеческим пониманием человека и любовью к человеку, что мы почти отдыхаем на нем от удушливой атмосферы ужаса и отчаяния, в которой автор нас заставляет вращаться все остальное время. Катерина Ивановна – вот настоящая героиня. Ничего меньше похожего на идеал, но вместе и ничего, в чем истинная энергия женщины заявила бы себя правдивее, громче и явственнее. Это безвыходное, отчаянное несчастье, это отсутствие всякой опоры и всякого утешения, и ввиду всего этого такая борьба! Борьба ежедневная, ежечасная, без одной минуты отдыха, без малейшей надежды на помощь или победу, борьба без уступки и сдачи, борьба до последнего вздоха и до последнего замиранья сердца!.. Что должен был чувствовать такой человек, как Раскольников, встретясь лицом к лицу с такою женщиною? Не должен ли он был сгореть от стыда, не должен ли он был показаться сам себе грязною тряпкою?» [1].

Не увидев в Раскольнике ничего, достойного сочувствия, Ахшарумов и к его покаянию относится

скептически. Правда, это недоверие не столько к герою, сколько к авторской трактовке этого этапа его жизни. «Мы знаем, пишет критик, – что главным двигателем была *любовь* – и любовь к *Соне*; но даже и это рассказано второпях, суммарным приемом всех эпилогов» [1]. Однако и это критическое замечание не отменяет в целом высокой оценки Ахшарумовым высокого художественного уровня произведения.

Выводы.

Итак, статья Ахшарумова о «Преступлении и наказании» – одна из первых развернутых оценок романа Ф. М. Достоевского – передает впечатление читателя-современника, популярного писателя и критика эстетического направления. Непосредственность читательской рецепции, художественное видение романа подчинены в его работе высоко профессиональному анализу поэтики произведения. Главный вывод Ахшарумова – о мастерстве психологического анализа автора романа – станет в дальнейшем одним из магистральных направлений в исследовании творчества Достоевского.

Литература

1. Ахшарумов, Н. Д. «Преступление и наказание», роман Ф. М. Достоевского / Н. Д. Ахшарумов // Всемирный труд. – 1867. – №3. – URL: <http://lit.lseptember.ru/2002/44/11.htm>.
2. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1979.
3. Майорова, О. Е. Ахшарумов Николай Дмитриевич / О. Е. Майорова // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. – М., 1989. – Т. 1.
4. Писарев, Д. И. Борьба за жизнь / Д. И. Писарев // Писарев Д. И. Собр. соч.: в 4 т. – М., 1956. – Т. 4.
5. Собрание материалов о направлении отраслей русской словесности. – СПб., 1865.
6. Страхов, Н. Н. Ф. М. Достоевский Преступление и наказание / Н. Н. Страхов // Страхов Н.Н. Литературная критика. – СПб., 2000.
7. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М., 2003.
8. Шмид, В. История литературы с точки зрения нарратологии / В. Шмид // Вопросы литературы. – 2012. – №5. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2012/5/s13.html>

УДК 81-114

Е. А. Григорович

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Т. С. Нифанова
Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова

СРАВНЕНИЕ И СОПОСТАВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВ В ДРЕВНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы, посвященные сравнению и сопоставлению языков в таких государствах, как: Древний Египет, Древняя Индия, Древний Китай, Аккад, Хеттское царство, Древняя Греция и Древний Рим. Комментируется применение межязыкового сопоставления в трудах таких древнеримских авторов, как: Дионисий Галикарнасский, Марк Фабий Квинтилиан, Макробий, и некоторых других. Таким образом, автором прослеживается путь от наиболее ранних, наивных сравнений языка до появления первых собственно сопоставительных произведений в Древнем Риме.

Сопоставительное языкознание, межкультурные исследования, античность, Древний мир, Дионисий Галикарнасский, Квинтилиан, Макробий.

In the given article the questions of language comparison are discussed in relation to such civilizations as Ancient Egypt, India, China, the Akkadian Empire, the Hittite Kingdom, Ancient Greece and Ancient Rome. The author of the article comments upon the use of contrastive method in works of such ancient Roman authors as Dionysius of Halicarnassus, Marcus Fabius Quintilianus, Macrobius Ambrosius Theodosius and some others. Both the naive beliefs of different nations and the first science-based researches are taken into consideration. In this way the development of comparative methods in the earliest history is shown.

Contrastive linguistics, interlingual studies, antiquity, ancient world, Dionysius of Halicarnassus, Marcus Fabius Quintilianus, Macrobius.

Введение.

Сопоставительная лингвистика официально оформилась как направление в 50-х гг. XX в., однако межкультурные исследования имеют очень давнюю историю. Вплетенные в философские концепции Древнего мира размышления о языках сохранились до наших дней.

В аспекте языкового сопоставления рассмотрим наследие таких государств, как: Древний Египет, Древняя Индия, Древний Китай, Аккад, Хеттское царство, Древняя Греция и Древний Рим, тем самым проследив трансформацию взглядов от наиболее ранних, бытовых сравнений языка до появления первых собственно сопоставительных исследований.

Основная часть.

Древние египтяне жили относительно изолированно, совершая военные походы против небольших государств и племен, находившихся на более низких ступенях развития. Иностранные языки были им знакомы, но не интересны с лингвистической точки зрения: по их мнению, чужеземцы говорили иначе из-за «неправильного положения языка во рту» [12, с. 8], [8]. Они «бормотали» и «лопотали», тогда как жители Египта «вещали» и «говорили» [12, с. 8]. В то же время исследователи говорят о развитой культуре перевода в Древнем Египте [13, с. 10], [1, с. 53]. Высказываются предположения о существовании особых профессиональных групп переводчиков с собственной иерархией: в древнеегипетских текстах XXVIII–XX вв. до н. э. неоднократно упоминается «начальник переводчиков» [1, с. 53]. В Египте функционировали специализированные школы писцов, где обучали иностранным языкам, и до наших дней сохранились тексты, которые служили пособиями египтянам для обучения аккадскому языку [13, с. 10].

После завоевания Египта Александром Македонским в стране установилось египетско-греческое двуязычие. Многие египетские слова были заимствованы греческим языком, создавались переводы и пересказы египетских литературных произведений [12, с. 15–16]. Интересен тот факт, что в 1799 г. недалеко от египетского города Розетта была обнаружена базальтовая плита с надписью, сделанной параллельно на древнегреческом и древнеегипетском языках, которая послужила ключом к дешифровке египетских иероглифов, значение которых долгие века оставалось загадкой [13, с. 12]. Вместе с тем, несмотря на наличие тесных языковых контактов и активную деятельность переводчиков, выявление сходств и

различий между языками не становилось предметом специальных исследований.

Сходным образом формировалась ситуация в государствах Востока, где билингвизм выступал преимущественно в отношениях «литературный язык – родной диалект» [3, с. 80]. В этих государствах довлела идея культурного превосходства своего народа над остальными. Так, в Древней Индии имели место лишь сравнительные описания санскрита и священного языка пали, который является его ответвлением [2, с. 12]. Языкознание Древнего Китая и вовсе «не знало сравнения языков, т.к. в сущности не имело материала для сравнения» [15, с. 243]. Цивилизации Древнего Востока, таким образом, оказались малопродуктивными в отношении языкового сопоставления.

Напротив, Аккад, существовавший на территории Месопотамии в XXIV–XXII вв. до н. э., не был моноязычен. В нем были в употреблении два языка: родной аккадский и шумерский, унаследованный аккадцами от предшествовавшего им населения Междуречья. По мнению А. Ю. Мусорина, «необходимость изучения шумерского языка привела к созданию первых в истории человечества двуязычных словарей» и, соответственно, «к возникновению зачатков сопоставительного языкознания» [11, с. 175]. Трудом аккадских писцов создавались простые словари, где шумерскому слову соответствовал аккадский перевод, например *izi* = *išātu* – «огонь», а также специальные словари с указанием произношения шумерских слов при помощи средств аккадской фонетики [7, с. 16–18].

Письменную традицию хеттов, обосновавшихся на территории Малой Азии во II–I тысячелетиях до н. э., можно охарактеризовать как «пеструю»: в своей деятельности хетты использовали такие языки, как аккадский, лувийский, палайский, хаттский, хурритский и некоторые другие [11, с. 176]. Интересно, что вымирающий хаттский язык они оценивали как «язык богов», а хеттский – как «язык смертных» [6, с. 38–39]. Подтверждение этому можно найти в песнопениях хеттов: *«Тебя лишь смертные зовут Тасиммети, // Среди богов – царица ты Тиммет!»* [6, с. 38–39].

Специализированные работы по межкультурному сопоставлению у хеттов отсутствовали, однако множество дошедших до нас двуязычных и многоязычных словарей и силлабариев зачастую включали «тщательный анализ грамматических соответствий» [6, с. 51]. Международные торговые связи хеттов способствовали развитию переводческой деятельно-

сти. Предположительно, именно хеттское слово *tarkumai=tarkumiia* (объявлять, переводить) достигло современного русского языка в форме *драгоман* [13, с. 18], или «переводчик при европейском посольстве или консульстве в странах Востока» [10, с. 282].

Культура Древней Греции считается первичной, мало подверженной влиянию извне. Она была самодостаточна настолько, что «на протяжении всего периода греческой античности нам неизвестно ни одного произведения литературы, которое являлось бы переводом» [1, с. 55]. В быту при необходимости роль переводчиков исполняли варварские наемники, владевшие древнегреческим языком [1, с. 55]. Таким образом, греки мало изучали иностранные языки, и почва для появления межъязыковых сопоставлений отсутствовала.

В то же время в трудах древнегреческих поэтов имеются примеры внутриязыковых сопоставлений с целью осмыслить значения некоторых слов, прежде всего, имен собственных. Гескод, например, пишет о близости имени Афродита (*Aphrodite*) и наименования пены (*aphros*) [4, с. 5]. Гомер в «Илиаде» и «Одиссее» приводит различные названия одних и тех же предметов, принадлежащих языку богов и языку смертных: *Противу Леты стоял благодетельный Гермес крылатый, // Против Гефеста – поток бытпроводный, глубокопучинный, // Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных – Скамандром* [Цит. по: 4, с. 5].

В Древнем Риме изучались такие языки, как древнегреческий, латинский и санскрит; прочие языки считались варварскими и не заслуживали внимания. Чаще всего описание языков осуществлялось раздельно, и «лишь иногда римские ученые проводили сравнение двух индоевропейских языков: латинского и греческого» [14, с. 159–160].

Изначально сравнение языков осуществлялось косвенно, в ходе переложения принципов древнегреческой грамматической системы на латинский язык. Именно так в латыни был открыт отложительный падеж – *ablativus*, соответствия которому не было в древнегреческом языке. Это наблюдение приписывают Цезарю, который является автором одной из латинских грамматик [14, с. 154]. По другим источникам, наличие отложительного падежа, или аблатива, было установлено М. Т. Варроном [4, с. 44]. Примечательно, что М. Т. Варрон в ряде случаев указывал на регулярные фонетические изменения: он отмечал, что в некоторых словах с течением времени вместо *S* стали произносить *R*. Фактически, он уже описывал явление ротацизма [4, с. 44].

Ко второй половине I в. до н. э. относятся труды древнегреческого историка, ритора и критика Дионисия Галикарнасского, долгие годы проживавшего и работавшего в Риме. Мыслитель с большим вниманием относился к языковым сходствам и различиям, так как это, по его мнению, помогало устанавливать происхождение народов. Он пишет: «если предполагать, что родство является причиной близости речи, то отсутствие родства – причиной несходства языков» [5, с. 34]. Названный принцип он применяет

на практике, рассуждая о происхождении пелазгов, тирренов и других народов [5, с. 34]. Латинский язык Дионисий рассматривает в качестве греческого диалекта [16, с. 81]. Он пишет о длительном влиянии варварских наречий на древнегреческий, в результате которого римляне «не употребляют ни чисто варварской речи, ни полностью эллинской, но, говорят на какой-то смешанной из обеих, основная часть которой – эолийская» [5, с. 84].

Современник Дионисия, Дидим Халкентер, упоминается как один из первых авторов сопоставительных трудов [18, р. 61], будучи создателем трактата «Об аналогии среди латинских языков», к сожалению, не сохранившегося до наших дней.

В I веке н. э. Квинтилиан в своем труде «Обучение оратора» (*Institutio oratoria*) дает сравнительную характеристику латинского и греческого языков [4, с. 51]. Мыслитель с большим уважением относится к греческому наследию. Например, он высказывается в пользу заимствования выражений из древнегреческого языка. Противники этого «сами к себе несправедливы»: им «лучше сносить бедность, нежели одолжаться» [9, с. 59]. Заслуживает интереса и сама сравнительная характеристика древнегреческого языка и латыни. Квинтилиан подробно сравнивает фонетическую сторону обоих языков, стараясь уловить зависимость между ее звуковой наполненностью и воздействием на слушателя. Так, звучание аттической речи он описывает как более благозвучное и объясняет это наличием в греческом языке гласного V и согласного Z. В то же время, латинский F «издает звук почти не человеческого голоса» и звучит грубо и неприятно, а M на конце слова «производит как бы некоторое мычание» [9, с. 489]. В целом, по мнению Квинтилиана, греческий язык более богат словами и оборотами речи, тонкими и заманчивыми, по сравнению с латынью. Мыслитель видит выход в извлечении высоких и разнообразных мыслей «из самого предмета» речи и призывает легкости греческого слова противопоставить весомость слова латинского [9, с. 491].

Известен также трактат римского грека Макробия «О различиях и сходствах греческого и латинского глагола», созданный на рубеже IV и V вв. н. э. [17, с. 89]. К сожалению, до нашего времени сохранился лишь один отрывок из этого произведения. Этот труд считают первой специальной работой по сопоставительной лингвистике [14, с. 154]. Важно, что цель создания трактата не является педагогической: Макробий лишь описывал, но не разъяснял сходства и различия глагольных флексий латинского и древнегреческого языков. Таким образом, работа была обращена к римскому читателю, который уже владел древнегреческим языком [16, с. 82].

Выводы.

Подводя итог всему сказанному, можно отметить, что в самых ранних языковых описаниях еще господствует «монолингвизм наивного пользователя» [8]: «Язык, которым я пользуюсь, является единственно правильным в том, что касается средств выражения; другие формы самовыражения либо непра-

вильны, либо мне неизвестны» [8]. На наш взгляд, особенно ярко это выражалось в древнегреческой, древнеиндийской и древнекитайской культурах, а также в Древнем Египте до его завоевания Александром Македонским. Во всех этих цивилизациях выявление сходств и различий между языками не становилось предметом специальных исследований.

Ситуация двуязычия сохранялась в Аккаде и в эллинистическом Египте; открытым к межъязыковому взаимодействию можно назвать Хеттское царство. Языковые контакты давали толчок переводческой деятельности, и, соответственно, появлению первых учебных пособий, а также работ лексикографического характера. Таким образом, сопоставление языков служило преимущественно достижению практических целей, связанных с текущей политико-этнографической ситуацией.

Лишь в Древнем Риме появляются теоретические работы сопоставительного плана. Первый такой труд, частично дошедший до наших дней, был создан Макробием на закате Древней эпохи.

Литература

1. Алексеева, И. С. Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – СПб.; М., 2004.
2. Алпатов, В. М. История лингвистических учений / В. М. Алпатов. – М., 2005.
3. Амирова, Т. А. История языкознания / Т. А. Амирова. – М., 2007.
4. Дашкова, М. Ф. История лингвистических учений / М. Ф. Дашкова, Т. Д. Бунина. – Воронеж, 2005.
5. Дионисий Галикарнасский Римские древности. Т. I. Перевод с древнегреч.; отв. ред. И. Л. Маяк. – М., 2005.
6. Иванов, В. В. Зачатки исследования языка у хеттов / В. В. Иванов // История лингвистических учений. Древний мир. – М., 1980. – С. 37–58.
7. Канева, И. Т. Шумерский язык / И. Т. Канева. – СПб., 2006.
8. Кашкин, В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты / В. Б. Кашкин // Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3. – Воронеж, 2002. – URL: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-41> (дата обращения: 26.10.2014).
9. Квинтилиан, М. Ф. Марка Фабия Квинтилиана двенадцать книг риторических наставлений / пер. с лат. Рос. акад. чл. Александром Никольским и оною Акад. изд. Ч. 2. – СПб., 1834.
10. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб., 2000.
11. Мусорин, А. Ю. Лингвистические знания на Древнем Востоке / А. Ю. Мусорин // Наука. Университет. 2005: Материалы VI научной конференции. – Новосибирск, 2005. – С. 175–178.
12. Петровский, Я. С. Представления древних египтян о языковых явлениях / Я. С. Петровский // История лингвистических учений. Древний мир. – М., 1980. – С. 7–17.
13. Семенец, О. Е. История перевода / О. Е. Семенец, А. Н. Панасев. – К., 1989.
14. Шарафутдинова, Н. С. Теория и история лингвистической науки / Н. С. Шарафутдинова. – Ульяновск, 2012.
15. Яхонтов, С. Е. История языкознания в Китае (XI–XIX вв.) / С. Е. Яхонтов // История лингвистических учений. Средневековый Восток. – Л., 1981. – С. 224–247.
16. Ciccolella, F. Donati Graeci learning Greek in the Renaissance / F. Ciccolella. – Leiden, Boston, 2008.
17. Cornell, T. The fragments of the Roman historians / T. Cornell. – Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2013.
18. Rochette, B. Le Latin dans le monde grec. Recherches sur la diffusion de la langue et des lettres latines dans les provinces hellénophones de l'Empire romain / B. Rochette. – Bruxelles, Latomus, 1997.

УДК 81

Е. В. Грудева

Череповецкий государственный университет

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОРНИТОНИМОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

*Работа выполнена в рамках государственного задания
в сфере научной деятельности № 2014/267 от 31 января 2014 г.
(проект «Компьютерные технологии в структурно-функциональном изучении текста»)*

Статья посвящена особенностям употребления орнитологической лексики применительно к человеку в русском языке. В качестве исходных теоретических предпосылок рассматривается теория прототипов. Показана зависимость «естественной» категоризации от лингвокультуры. Анализ языкового материала, полученного на основе обращения к Национальному корпусу русского языка, позволяет сделать вывод, что в русской лингвокультуре претендентами на роль прототипа «птичности» и его ближайшего окружения могут выступать *воробей, орел и ворона*.

Орнитонимы, теория прототипов, языковая метафора, корпусное исследование.

The paper is devoted to the features of ornithological lexicon applied to a man in the Russian language. Theory of prototypes is considered as initial theoretical assumptions. Dependence of the "natural" categorization on the linguistic culture is shown in the paper. Analysis of the language material received in the Russian National Corpus allows concluding that only a sparrow, an eagle and a crow can be the contenders for the role of the prototype «bird» and its entourage in Russian linguistic culture.